

Игорь Шестков "Красново"

Вспоминается деревня Красново, вытянувшаяся вдоль берега Можайского моря. Дом отдыха, Старый корпус. Столовая в подвале. Официантки, несущие тяжелые подносы на плечах. На подносах – в несколько слоев – железные миски с обжигающе горячим борщом, тарелки с макаронами и маленькими кусочками плохо прожаренного мяса. У официанток красные потные лица. В вонючей подвальной кухне жарко. Оттуда доносится стук, звон, ругань. Там повара. Бабушка выбирала столик, чтобы «не на проходе и у Настюшки». Официантку Настюшку жалели, ее муж дома бил. Она страдала какой-то неизлечимой женской болезнью. Ее красивое русское лицо часто искривлялось в гримасе боли.

Никому из отдыхающих профессоров университета не приходила в голову мысль, что таскать тяжеленные деревянные подносы – работа унижительная, адская. Не женская. Что барщину надо обличать не в «проклятом прошлом», а в настоящем. Чиновничьи и профессорские жены с отпрысками даже не подозревали, как их ненавидели официантки, повара, горничные, да и вся огромная деревня Красново, в которой не было ни одного не сидевшего хотя бы раз в тюрьме главы семьи. Хорошо еще, что Дом отдыха был для деревенских кормушкой. Там можно было подработать. Там было кино, настольный теннис, там играли в волейбол. Поэтому деревенские его терпели.

Я подолгу рассматривал берега Можайского моря. В подаренный мне дедушкой полевой бинокль. Видел поросшие кустарником берега, березы, сосны, пологие холмы на горизонте, плотину, дорогу. Я знал, что дорога ведет в Бородино. Оттуда как бы слышались ружейные выстрелы. На дороге стояла заброшенная церковь с покосившимся крестом, в которой тогда еще висел никому не нужный наполовину сгоревший иконостас с большими вертикальными иконами. Я воображал, что могу свободно летать сквозь пространство. И улетал на другой берег. Тут все казалось странным. Потому что на самом деле меня нет, но вот, я перелетаю с сосны на сосну, выхожу на дорогу, бросаю камешек в морду репейника, заглядываю через пролом в стене в церковь. Там, в высоте – искаженное мукой лицо распятого Христа. Я легко взлетаю на купол церкви,

вглядываюсь оттуда в даль. Вижу туманное горячее марево, в котором копошатся оптические черви, шелкопряды судьбы.

Каждый цветок, кустик, каждое дерево, торчащее из воды, каждая его ветка представлялись мне звуком, буквой, словом зашифрованной в ландшафте фразы. Эти сообщения влекли как тайна, как клад. Хотелось их слушать, разгадывать, читать. И я читал и слушал и летал с одного слова на другое, наслаждаясь свободой и легкостью полета. Знакомый тополь долдонил – день, день, день. Огромное затопленное дерево, выбросившее из под воды серые мертвые ветки, вторило – ох, ох, август, лету конец...

Бабушка ходила со мной в лес. Там мы находили уютное местечко в тени. На полянке. Раскладывали одеяло. Солнце пекло. По голубому небу плыли белые облака. Тихо звенели комары. Бабушка читала. А я смотрел в траву. Делался маленьким. Бибигоном. Трава становилась джунглями, Бразилией. Там я сражался с жуками и кузнечиками. Искал израненную злыми насекомыми девочку. Маленькую куколку, вылепленную из глины и ожившую. Строил для нее домик и травяную постельку. Прокладывал дороги и разбивал миниатюрные прудики, куда выливал, к неудовольствию бабушки, остатки воды из фляжки. Приготавливал из лепестков повязки, чтобы лечить ей ранки от порезов и укусов. Ее глиняное тело превращалось в настоящее, человеческое, и я обнимал ее и блаженствовал.

Там же в лесу, недалеко от деревни Красное я испытал сексуальное потрясение другого рода, воспоминание о котором мучает меня до сих пор.

Я гулял в лесу один, просто так, без цели. Мечтал. Вдруг я заметил что-то движущееся метрах в двадцати от меня. Инстинкт самосохранения заставил пригнуться и затаиться. До меня донеслось душераздирающее мяуканье. Я тихо подошел поближе. На траве лежали двое. Одетый в ватник на голое тело пастух петушил деревенского дурачка Фофана, сына Настюшки. В руках у Фофана была веревка, перекинутая через сук сухого дерева. На другом конце веревки болтался, судорожно перебирая лапами, повешенный на ней за половые органы вниз головой кот, под которым тлел костер. Пастух напевал что-то осипшим голосом, его худой оголенный зад дергался быстро-быстро. Фофан держал веревку двумя руками, дергал ее и ржал как конь...

Последнее мое воспоминание о деревне Красново – зимнее.

Февраль. Каникулы. Я – студент пятого курса мехмата. Месяц как женат. Моя жена – Неля, студентка исторического факультета. Мы живем в Новом корпусе, едим в новом здании столовой, просторном и светлом. Постаревшая Настюшка больше не таскает подносы с борщом, она сделала карьеру и стала сестрой-хозяйкой. Пастух умер. Фофан сидит в тюрьме за кражу.

На другом берегу Можайского моря все покрыто высокими сугробами.

Сказочное созвездие Ориона сверкает на морозном небе. Из церкви пропал не догоревший когда-то иконостас.

Мы живем комфортно. У нас комната с балконом на втором этаже. По вечерам мы забираемся в кресла с ногами и читаем друг другу стихи. Выпиваем.

Танцуем. Стекла покрыты узорами. В комнате пахнет хвоей. Моя жена ловит на балконе снежинки губами. Неля любит есть снег.

Нелегкое это испытание – исполнение желаний, пытка счастьем. Нет тупика безнадежнее. Проклятое мгновение должно остановиться, но оно вместо этого ускользает. С вершины пирамиды возможен только спуск или падение. Сатурн исправно работает челюстями и все летит потихоньку в тартарары.

Шли мы однажды на лыжах по водохранилищу. Прелестно! Молодая пара катается. Меня к тому времени уже все приводило в бешенство – и лыжи и ветер и снег и жена. И главное – моя идиотская роль счастливого супруга. И тогда произошло чудо. Налетела на нас метель. Закрутилась вихрем. Хоть ножом ее режь. А когда метель улеглась и солнышко заблестело, я увидел себя и жену со стороны. Не «мы», а «они» катились рядом, жестикулировали, ругались. А тело, в котором я находился, было уже от них далеко. Я растерялся. Не знал, что делать. Потом догадался, что я свободен, понял, что моя прежняя линейная жизнь никогда не вернется. И поспешил в Москву.